

Надежда Майская

Золушки бывают разные

Предисловие

Наш новый век слишком стремителен и суров. У нас нет времени поговорить о своих чувствах с близкими, а от едва знакомых и незнакомых нам людей мы отгораживаемся масками.

Маски равнодушия, маски высокомерия, маски отчуждения. Так мы защищаемся от мира и в какой-то момент маски становятся нашей сущностью. Нас больше не волнуют проблемы и заботы соседей, коллег, мы больше не плачем после просмотра мелодрам и стало постыдным признаться, что любим читать сентиментальные романы.

Мы идем в ногу с веком, скорее сидим с ним вместе за компьютером, и забываем признаться в любви родным, а иногда просто не успеваем. И жалеем об этом всю жизнь.

И когда, в какой момент мы разучились прощать? И можем ли мы этому научиться снова?

Перед вами роман, написанный по мотивам всем известной сказки «Золушка». Вы хорошо помните само произведение? А начало сказки, дорогие читатели? И приключения девушки? И в

самом конце повествования, вы помните, Золушка прощает своих злобных сестер и счастливо живет со своим принцем?

Автору не удалось идеально следовать канону сказки, герои рассказали свою правдивую историю о Золушке современной.

Заметили мечтательную девушку, задумчиво смотрящую вдаль? Быть может, это Лена? Или увидели парня, в спешке сбегающего по ступенькам с портфелем в руках? Что, если это модник Петя торопится по делам? Или вот в ресторане сидит хмурый молодой человек, уткнувшись в ноутбук. Возможно, это обедает Игнат?

Блаженны нежные и кроткие женщины, их будут любить сильнее. Ничто так не выводит мужчину из себя, как агрессивность женщины. Амазонок обожают, но не обожают. /Андре Моруа/

Глава I. Авария

Денёк оказался ясным, ветреным, относительно тёплым для начала апреля, но без куртки не выйти, рановато. Как раньше говаривала мама, укутывая дочку, «весна красна, да обманчива». Вот и радовалась толстому шарфу повзрослевшая дочь, стоя на продуваемом перекрёстке.

Лена ждала автобус больше пятнадцати минут и была готова потратиться на проезд в маршрутке, но, как назло, не было и их. Стоять на одном месте удовольствия мало, начинала побаливать спина, а сесть было не на что — скамейки на этой остановке не предлагались.

Она бродила по кругу, рассматривала скучный забор за остановкой, широкий проспект по которому ехали автомобили, «считала ворон», скучала и мечтала. Скоро, скоро наступит день, когда всё наладится, когда можно будет позволить себе хоть и не шикавать, зато и не отказывать почти во всём. Постоянная жесточайшая экономия изрядно утомляла, хотелось купить яркое нарядное платье, шикарные туфли, сделать сногосшибательную причёску и отправиться на бал. Жаль, что у неё нет персональной феи. А как было бы здорово попросить исполнить хотя бы одно самое-самое заветное желание.

На клумбах между поблёскивающими льдом застывшими лужицами проглядывала зелёная травка, радуя взгляд своей смелостью. Серость надоела, хотелось тепла, лёгких босоножек, и чтобы ветерок раздувал подол платья, а вокруг яркие краски, пахнет малиной и немного пылью.

Лена позвонила Пете, поболтала ни о чём, не удержалась и сообщила, что завтра выходит на работу. Друг за неё порадовался, поздравил и

принялся обсуждать скорую поездку на дачу, а потом вдруг с подозрением уточнил:

— И кем устроилась? Что делать-то будешь?

— Сиделкой у старушки устроилась. Там надо в аптеку ходить, готовить завтрак, прибираться и разные другие услуги оказывать, пустяки, мелочи.

— Докатилась! — заорал он. Лена отодвинула трубку от уха и поморщилась. — Лучше дома сиди!

— Так я и так сижу, а тут хоть заработаю. Платят прилично.

— Ага! Заработаеть себе на одно место одно неприятное дело! Ленка, не придумывай! Отцу на тебя настучу! Как такое в голову тебе прийти могло? — не унимался Синицын.

— Петя, отстань! — сердито огрызнулась девушка. Дернул её черт похвастаться, теперь Петя и папа начнут воспитывать. Нет, чтобы порадоваться за нее!

— Готовься, вечером поговорим! — грозным голосом предупредил друг и бросил трубку.

Лена повертела в руках телефон, собираясь перезвонить, но передумала и убрала в сумку. Настроение Петя ей не испортил, рано или поздно все равно узнал бы и разорался, а так пусть пока перебесится вдали от нее. Перекипит. Она искренне любила друга, но порой Синицын становился неприятным: начинал орать, воспитывать, ссылаясь на то, что переживает. Зато можно теперь отцу не

сообщать. Петя наверняка успеет настучать и накрутить родителя. Опекуны, блин!

Закропил мелкий дождик. Вернее, не дождик, а так, недоразумение, даже пыль не прибил. Какая-то несмелая тучка по небу прошмыгнула. Лена даже зонтик доставать не стала, солнце никуда не исчезло, продолжало пригревать. Всё-таки хорошо, что скоро лето.

Между тем поток автомобилей не уменьшался, не останавливаясь, бодренько переезжал оживлённый перекрёсток и мчался в неизвестность. Получается, что заторов нигде не было.

И какая причина, в таком случае, тормозит прибытие автобусов? Словно они не в культурной столице находятся, а в глухой тундре. Не то, чтобы Лена куда-то спешила, на самом деле она домой возвращалась, бестолковое длительное ожидание досаждало.

За время её топтания к остановке подошло несколько человек. Они либо спешили, либо по природе были слишком нетерпеливы, ловили частников и уезжали. Лена им позавидовала — бомбилы ей пока что были не по карману.

На остановке кроме неё вертелся пожилой дядька, упитанный, не слишком хорошо одетый. Его присутствие слегка тревожило Лену. Мужчина зачем-то фотографировал все вокруг. Хотя что тут

фотографировать? Станный. Главное, чтобы к ней не привязался, не сказать, что она боялась, белый день, народ мимо едет, просто не хотелось неловких ситуаций. Иногда некоторые особи мужского пола считали своим долгом оказать навязчивое внимание молодым женщинам. Особенно часто это происходило весной. Обострение у них, что ли?

Лена, чтобы не угодить в кадр, отворачивалась, передвигалась. Было неприятно, что этот мужик мог и её заснять, но и сказать, чтобы не нацеливал на неё объектив, не могла, вышло бы грубо, а человек всё-таки не молодой.

Она выкурила очередную сигарету.

Вдалеке, наконец-то, показался какой-то автобус, Лена повеселела, похоже, ожидание заканчивалось. Оттуда же мчалась светлая иномарка, привлекающая внимание девушки.

— Ничего себе, — пробормотала Лена.

Здоровенная машина опасно рыскала по дороге, обгоняя попутчиков, меняла одну полосу на другую, двигалась стремительно, пытаясь выскочить из ряда спутников. Зрелище оказалось завораживающим и тревожащим одновременно, словно Лена смотрела фильм о гонщиках. Или о смертоносных серых акулах.

Поток автомобилей снижал скорость, чтобы остановиться перед светофором, уже мигал жёлтый,

но агрессивная чудо-машина со второй полосы ринулась влево через перекрёсток.

— Придурок, что ты делаешь? — вырвалось у неё.

Встречные автомобили протестующе загудели, завизжали тормоза.

Дурной лихач вильнул, уворачиваясь от столкновения с грузовиком, и полетел в остановку, не справляясь с заносом.

Не веря происходящему, девушка инстинктивно отпрыгнула, сшибла дядьку, оказавшемуся у неё на пути и рухнула на газон. По инерции проехала на пузе, сдирая ладони. Ей казалось, что она так и катиться вперёд, как шайба на льду. И вместо того, чтобы орать от ужаса, она захохотала.

Серая иномарка, визжа покрышками, всей своей мощностью врезалась в остановку, смяла стойку, протаранила остов конструкции и, в конце концов, остановилась.

Свидетели произошедшего тормозили, глушили моторы, выскакивали из машин. Кто-то звонил в ДПС, другие снимали аварию на мобильники, третьи помогали выбраться безумцу из смятой машины.

Несколько человек помогали упавшему на газон мужчине. Он видимо сильно пострадал.

Упавшая Лена, шумно дыша и кряхтя,

самостоятельно поднялась с земли, опустила голову и поковыляла в сторону улетевшей сумки. Она боялась взглянуть на людей, её продливал скручивающий истерический хохот, переходящий во всхлипывания. Она кое-как замотала рот и нос шарфом, чтобы никто не увидел её оскаленного в безумной улыбке рта и не услышал рвущийся наружу смех, больше похожий на клекот. Ещё примут за городскую сумасшедшую! Разве можно в такие минуты хохотать?

Куртка и руки после скольжения по газону оказались заляпаны грязью. Она торопливо стаскивала с себя куртку, одновременно вытирая о неё грязь с рук и не могла успокоиться. Унять неуместное веселье не получалось. Лена со стороны представляла, как она ласточкой ныряет вперед, и её снова одолевал хохот.

Необходимо было срочно отвлечься.

Она быстро подхватила с земли сумку, также испачканную, протерла многострадальной курткой и принялась торопливо собирать выпавшие вещи, пытаясь отвлечься от видения своего прыжка и остановить неуместный смех.

Кто-то из добровольных помощников подошел к ней, предложил воды.

К тому моменту Лена почти справилась с собой, она поблагодарила, сделала несколько глотков, дыхание выровнялось и её, наконец,

перестало трясти. Рядом топтался невысокий парень, какой-то из приезжих, она никак не могла научиться их различать. Таджик? Узбек? Он с жутким акцентом беспокойно спрашивал, нужна ли ей медицинская помощь. Лена уверила, что нет и тот, недоверчиво покачав головой, отошел.

Кошелёк, телефон, ключи, проездной, блокнот с адресом работы. Собирать вещи Лене помогали теперь уже два человека, тоже возникших рядом из ниоткуда, как и предыдущий, поивший водой, один ходил по газону, высматривая, не осталось ли чего, второй держал её сумку. Они бесконечно спрашивали, как она себя чувствует, не надо ли чего, а Лене в голову лезли бестолковы сцены из американских боевиков, где герои спрашивали: «Ты как? Ок?», а тот, кто был при смерти, радостно сообщал: «Ок». При просмотре таких сцен они с Петей дико хохотали. Слава Богу, к ней хохот не возвращался. Помощники помогли уложить куртку в пакет, слишком та испачкалась, просили посмотреть все ли вещи она собрала.

Лене казалось, что она только и делает, что благодарит всех. Ни имён, ни тем более лиц она не запомнила, хотя добровольцы вроде бы представлялись, записали свои номера телефонов и сунули бумажки ей в сумку. Она снова благодарила.

Помощники пооглядывались и отправились к

разбитой машине, а Лена наискосок пересекла газон, изображая, словно она что-то ещё ищет. Может на неё никто и не смотрел, но она страшилась, что её остановят, вот и притворялась. Воровато оглянулась, за ней никто не шёл, её никто не догонял, и она побрела в сторону перекрёстка вдоль металлического забора. На левую ногу ступала бережно, видимо, подвернула или сильно стукнула.

Хохот давно прекратился, но теперь Лену начало трясти. Она прибавила шаг, останавливая себя, чтобы не припустить во все лопатки. Девушка уходила прочь от остановки, от машины, едва не размазавшей их с дядькой по асфальту, от ужаса, который только теперь подбирался к ней.

Шагала, не оглядываясь.

Еще собирая вещи, она поняла, что не станет смотреть на ту машину, на то, что произошло с остановкой. Не станет ни за что. Если посмотрит, с ней обязательно повторится или припадок хохота, или ещё что похуже, и её увезут на Пряжку. А в психушку ей нельзя, она только что работу получила.

Холода девушка не чувствовала, под курткой был надет толстый свитер» мышинного» цвета крупной вязки. Практичная Лена считала, что лучше снять с себя лишнее, чем мёрзнуть. Большинство горожан весной и осенью одевались

как капуста, в несколько слоёв. Утром приходилось укутываться, днём снимать всё до кофточки с коротким рукавом, а к вечеру снова натягивать тёплые вещи. Такие метаморфозы можно было наблюдать и в метро, и на улицах.

Наконец, она доковыляла до угла, завернула и остановилась. Забор казался нескончаемым, она шла и все боялась, что сейчас кто-нибудь увидит, как она сбегает, догонят, и заставят вернуться. И тогда с ней случится настоящая истерика, как в кино, с падением в обморок и рёвом. А сцен Лена не переносила.

Она смогла вытащить трясущимися руками сигарету из пачки и прикурить. Голова гудела. Ни одна толковая мысль не приходила на ум, то крутилось: «спасибо, Господи, спасибо, Боженька», то разговоры с незнакомыми помощниками, то снова молитва.

После второй сигареты стало немного легче.

Единственное неудобство, пожалуй, она испытывала от промокших на коленях джинсов, но поделаться с этим было ничего нельзя. И сейчас она думала, что люди будут удивляться её смелости, всё-таки рановато ходить в одном свитере, шарфом укутала плечи, больше не было нужды прятать лицо и бездумно шагала, пока не увидела какую-то маршрутку. Махнула рукой, остановила и поехала, не слишком соображая, куда её повезли. Самое

главное, не в сторону аварии.

Как она добралась домой, на каких перекладных, не запомнила. Горячий душ и обезболивающее — всё, что позволила себе Лена, правда ещё и успокоительное приняла на всякий случай, чтобы случайно не разреветься при папе. За наличием лекарств, бинтов, йода Лена всегда внимательно следила — чтобы обязательно находились под рукой. Семья большая, мало ли, что может понадобиться. Ладони она, конечно же, содрала, но неглубоко, особых порезов не было, хотя содранная кожа саднила. Дома, как и всегда в это время, никого не было, поэтому никто не видел её появления в непрезентабельном виде. Она быстренько закинула грязные вещи в стиральную машину, а после долго отмокала под душем, стараясь прогреться и смыть с себя вновь появившийся озноб.

Принятая таблетка подействовала, она умудрилась даже вздремнуть до прихода папы.

А вечером дома Лена подверглась воспитательному процессу. Петя, как и обещал, подговорил Ивана Родионовича, мужчины ждали её в кухне. Папа твердил, что прокормит дочь, друг уверял, что скоро найдется работа по специальности, позже подошла и Вера Степановна. Она редко вмешивалась в дела Лены, но тут не преминула заявить, что Еления низводит себя до

уровня прислуги, это непременно отразится на её сознании, впрочем, решать ей.

Лена выслушала все положенные нравоучения и пообещала подумать. Она заверила близких, что их беспокойство ценит, понимает, что поступила опрометчиво. Но, чтобы не подводить людей, которые её ждут, она всё же на собеседование пойдет. Мужчины согласились — да, так и придется поступить, и удалились, довольные собой и послушанием Лены.

Пойти на столь радикальные меры — наняться приходящей прислугой, вынуждали обстоятельства и собственная глупость.

Елена Нега честно признавала, немало денег она потратила бездарно, когда обучалась на различных курсах. Денежные запасы неуклонно приближались к концу, и срочно требовалась любая работа. Она, наивная безработная, в начале поисков, верила всему и всем. Добросовестно отучилась на бухгалтера-кассира, естественно, платно, потому что обещали последующее трудоустройство. По окончании курса действительно выдали сертификат и сообщили — «нет опыта, нет работы, устраивайтесь самостоятельно».

Дальше, ещё абсурднее. К чему на электрика выучилась? Кстати, помимо неё ещё три девушки

посещали курсы, а обучавшиеся парни над ними издевались. В процессе обучения стало ясно, что работу они точно не получают. Вот приобрела навык, а для чего? Разве что бедного папу не просить, чтобы розетку отремонтировал, да утюг починил, а лампочки она и так самостоятельно меняла.

Сертификатов набралось пять штук. Это помимо диплома архитектурно-строительного университета.

Вполне можно давать объявление: «Любая работа мне по плечу». Читала как-то объявление: «муж на час», только такая реклама Лене казалась вульгарной, смахивала на предложение интима. Она обсуждала этот вопрос с Петей. Друг пояснил, что имеются в виду разовые ремонтные работы, например, кран водопроводный починить или полку повесить на стену.

Лена после их разговора долго обдумывала, какие бытовые мелкие «пакостные» ремонты может делать самостоятельно. Не поленилась, составила перечень пустяков, с которыми в быту справлялась, оказалось, она просто кладезь знаний и умений. Только вот кроме семейства, навыки её никому не были нужны.

Компания, где она после учёбы успешно занималась составлением смет и значилась рядовым инженером, исправно платила неплохой оклад, но

просуществовала недолго. Кризис поломал планы многих, фирма прогорела. И получилось так, что кроме составления смет, у Лены больше никаких специальных знаний не было, она ничего не умела.

Куда только не пыталась устроиться. Набегалась по собеседованиям. Денежки с мобильного телефона утекали слишком скоро, пришлось переключаться на безлимитный тариф. Хуже всего было то, что после договорённости о встрече, специально приехав куда-нибудь к черту на кулички, она получала отказ:

«Должность занята, извините».

«Недостаёт опыта».

«Вы нам не подходите».

«Курите? Не подойдёте, не принимаем с вредными привычками».

Зачем людей гонять по городу? Лена подозревала, что подобный нерадостный опыт не только у неё появился. Скандалить она не умела, но всё же один раз осведомилась, зачем позвали, если должность занята. Барышня её лет равнодушно ответила:

— А что вы хотите? Вас много, а место одно, кто успел раньше, тот и получил работу.

Лене припомнился советский кинофильм, где продавщица в магазине кричит на очередь: «вас много, а я одна», ситуация была похожа, только

очередь нынче не за дефицитом, о котором рассказывал отец.

Накануне она позвонила по очередному объявлению, таким образом и оказалась на той остановке.

— Приходите завтра в десять утра, прослушаете обучающий семинар и приступите к службе, — положительно отозвались на очередной звонок соискательницы.

— Сколько будет стоить учёба?

— Бесплатно. Всё узнаете на беседе: условия, оплату, график, требования.

Следующим утром Лена Нега и поехала на загадочное собрание, испытывая надежду, что бесплодные поиски увенчались успехом и опасаясь сглазить раньше времени. Семинар-собеседование проходил на территории завода в районе шоссе Революции.

В очередной раз она получила важные знания. С одной стороны, из-за новой информации запросто мог развиваться комплекс неполноценности от собственного несовершенства. С другой стороны, она радовалась — временная работа появилась.

Оказалось, чтобы произвести уборку в коттедже или квартире у состоятельных людей, необходимо знать бездну нюансов!

Теперь-то Лена уразумела, что приборку дома

она делала неправильно, а должна бы знать, что тряпица для вытирания пыли с подоконника ни в коем случае не предназначена для уборки пыли с книжной полки! И специальных средств по уходу столько, что пора второе высшее образование получать.

Им предоставили выбор — работа на постоянной основе с проживанием и едой, то есть в качестве домработницы, или приходящей уборщицей. Пришла, навела чистоту, получила расчёт, и до свидания.

Также требовалась сиделка к старушке, внук нанимал. Уход. Водные процедуры, кормление. На это предложение Лена и согласилась, оно ей показалось интереснее, чем просто тряпкой махать. Всё же за живым человеком ухаживать, а не за комодом. Приступать следовало завтра. Больше всего устраивало, что расчёт производили за каждую смену сразу. И приезжать к одиннадцати утра, да и ветка метро прямая, до «Горьковской». Обстоятельства складывались как нельзя лучше, пока не произошел её «душой, исполненный полет».

Она лежала в кровати и не могла уснуть. Всё крутилось и крутилось в памяти произошедшее, словно Лена смотрела хронику в замедленном режиме.

Вот она прыгает и с силой толкает фотографа

в спину, вместе с ним падает сама, то ли рядом, то ли на мужика, и, в буквальном смысле слова, в считанных сантиметрах мимо проносится жуткая серая машина.

Дядька падает лицом в газон, расставив руки, его фотоаппарат летит вперёд и несколько раз подскакивает на земле, а Лена почему-то кричит. Её сумка повторяет путь фотоаппарата, все содержимое вываливается.

Затем ошеломлённый, озлобленный, мужик громко матерится: «Сука больная! С катушек съехала?», но она уже уходит, воровато оглянувшись на фотографа. Лена ещё слышит, как он вопит, она успевает увидеть его безумные глаза и выражение лица незаслуженно обиженного человека. Дядьке помогают подняться, кажется, он порывается догнать ее, замахивается ногой, чтобы пнуть тронутую девку. Люди его хватают и оттаскивают, но Лене уже не до него, она в этот момент борется со своими демонами и старается подавить смех, поэтому трусливо отходит.

Эти кадры нескончаемой вереницей преследовали Лену и позже, полгода, не меньше, затем исподволь, постепенно происшествие стало забываться.

И ей достался фотоаппарат бедняги. Видимо, те парни, которые помогали собрать вещи, решили, что фотик тоже из сумки вылетел. Лена из-за

аппарата сильно переживала, чувствовала вину, словно украла сама. Как вернуть, не представляла и решила, что признается во всём Пете. Только позже.

Она всерьёз приложилась коленями, ладонями, плечом и грудью. Болело сильно. Как она будет завтра работать?

Пришлось глотать таблетки. Девушка лечилась, как могла, почти неделю прикладывала к ушибам лёд. Ужасно боялась, что понадобится резать грудь, вдруг там от ушиба образовалась опухоль, и у неё теперь рак. Она допускала, что такие мысли порождали исключительно её мнительность и склонность к преувеличению, поэтому об опасениях никому не сообщала, да и говорить-то было некому. Папу она беспокоить не хотела, решила, что, если боль не прекратится, пойдёт на обследование.

Лена прокручивала происшествие на остановке и понимала, что действовала на инстинкте. Ангел-хранитель руководил ею, не иначе — сама бы она не додумалась отпрыгнуть и дядьку пихнуть и, как и мама, попала бы под машину. А ей умирать нельзя, папа не справится один.

Следующим утром Лена чувствовала себя разбитой и вымотанной. Болели ушибленные места, а внутри дрожало и тряслось. Сосед с первого этажа

дядя Витя иногда стрелял у Лены сигареты, жалуясь, что у него «душонка трясётся», опохмелиться надо бы. Видимо, и у неё тряслась душа от пережитого.

Появился соблазн остаться дома, но подводить людей непорядочно, пришлось приводить себя в порядок и отправляться на встречу. «Расхаживаться», так сказать. К работе следовало приступать завтра. Лена доехала до «Фрунзенской», купила цветы и прошла до Новодевичьего монастыря. Зашла в церковь, купила свечи и прошла на могилку мамы. Чем дальше уходила жизнь после того рокового дня, тем реже Лена приходила на могилку. Они с отцом традиционно в день рождения и в день смерти мамы приходили на кладбище.

Лена, не сообщая отцу, чтобы не расстраивать, ходила одна, когда надо было рассказать о чём-то важном или посоветоваться.

Она убрала нанесённые ветром прошлогодние листья, цветы, принесённые ею же в прошлый приход. Свежие цветы уложила на постамент, тихо приговаривая:

— Я скоро вернусь, приберу у твоего соседа, давно у него никто не был.

Рядом с могилой матери был похоронен некто Головин Петр Иванович. За его местом никто не следил и Лена уже давно взяла над ним шефство,

прибралась. Вернулась к матери, покурила.

— На будущий год поменяем фотографию, эта из-за непогоды портится, папа так хочет. Мама, у меня случилось ужасное событие. Я нечаянно утащила чужой фотоаппарат, сбежала с места аварии, но главное, очень злюсь на того водителя и боюсь возненавидеть. Если бы он вчера убил меня, папа не выдержал бы и тоже умер, а ты же знаешь, какой он добрый. Это несправедливо. Мне трудно разобраться, почему я так зла на того придурка водителя. Оттого, что слишком сильно испугалась, до сих пор замирает сердце. И болят ушибы. Мне сегодня снился сон, нет, не авария, страшный сон, словно на меня наваливается тяжёлое, тёмное, а я не могу вырваться и убежать. Понимаю, что это из-за вчерашнего, но всё равно страшно. Mamочka, ты приснись мне, пожалуйста, я так люблю, когда ты приходишь. Мне без тебя плохо, очень.

Лена поплакала, покурила и ушла, очень надеясь увидеться с мамой во сне.

Глава II. Остановка

Люди помогали выбраться горе-водителю из смятой машины и охотно рассказывали подъехавшим гаишникам, кто что видел. Слышен был восхищенно-осуждающий мат, народ не мог сдержать эмоций.

Водитель разбитой машины кричал: «Найдите девушку, она меня спасла! Найдите! На ней жёлтая куртка с капюшоном!»! Люди оглядывались, но желтой куртки нигде не видели. Парни, что помогли Лене собрать вещи, уже отъезжали, торопились на встречу.

Виктор Иванович, понурившись, сидел на поребрике и курил, кто-то сердобольный поделился сигаретой.

Панков не мог и не хотел двигаться, словно он смертельно устал, будто внезапный удар вышиб из него всю жизненную силу.

Может статься, и вышиб. От удара о землю что-то внутри ныло, но как-то невнятно, а колени и локти, наверное, сбил, саднили. Задёргалось левое веко. Ну, это надолго. Если с Виктором Ивановичем что-то неприятное случалось оно всегда тряслось. Пройдёт.

Вот так подзаработал! На эту остановку, видно, принесла его нечистая сила.

Арина Григорьевна, соседка, попросила отвезти сыну какой-то особо важный документ и заплатила двести рублей за услугу. А Панкову-то что, всё равно, в каких краях мотаться, какие виды снимать. И деньги совсем не лишние. Сынок её, Славка, ждал в проходном пункте завода, где дежурил в смене, поблагодарил, ещё сотню подбросил, а Панков и не стал отказываться,

пенсионеру каждая копейка в радость.

Они с девчонкой в желтой куртке терпеливо ждали транспорт, Панков фотографировал.

По вечерам, разбирая свою работу, он находил порой поразительно удачные кадры, и тогда вывешивал фото в интернете на своей страничке.

Соседский парнишка помог освоить умную машину, а потом и курсы компьютерные прошел, так что с техникой мужчина справлялся.

Виктор Иванович размещал свои работы, считал голоса и гордился собой. Его небольшое увлечение фотографией сделалось хорошей отдушиной в бесцветных буднях пенсионной жизни. У Панкова не было детей, внуков, дачи — просто одинокий немолодой человек тихо доживал свой век. Супруга умерла давно. Он так и не отважился больше с кем-нибудь сблизиться.

Ему и надобно было немного. Он мечтал запечатлеть гениальный кадр, который непременно захотели бы приобрести. Тогда и вторая его мечта сбылась бы — Виктор Иванович приобрел бы себе самый дорогой современный фотоаппарат, и его снимки станут столь хороши, что специально для его работ организуют выставку.

От внезапного удара, боли, испуга, Виктор Иванович не нашёл ничего лучшего, чем напасть на девчонку. Хорошо, что его остановили.

Когда он увидел произошедшее, тоже стал

искать её среди галдящих людей. Толпа образовалась быстро — то не было ни души, а теперь толклись человек пятнадцать, но спасительницы и след простыл.

Панков не курил уже много лет, а сейчас остро чувствовал, что, если не выкурит сигарету, с ним приключится удар, или он расплчется.

Было обидно за себя, жаль потерянный аппарат, но главное, было жаль снимки, которые не успел перекачать, и они исчезли вместе с фотоаппаратом, а ещё совестно, что не о том волнуется. По всем правилам надо было тревожиться о чем-то другом, а он сетовал об утере.

Водитель разбитой машины подошёл к нему, спросил, нужна ли помощь медиков, извинился. Парень оставил визитку и настоятельно попросил позвонить через пару дней. Также справлялся о девушке, но Панков и сам бы желал её отблагодарить, выходило, она ему жизнь спасла.

Горе-гонщик обещал возместить ущерб за испорченную одежду и пропавший фотоаппарат. Сказал же! Какой там наряд, все из секунд-хенда. А вот аппарат теперь можно купить гораздо лучше, о котором давно мечтал. Ну, хоть так.

Панков приободрился. Теперь все наладится, а девчонку как-то да обязательно найдёт, город маленький. Ну а то, что от потрясения все ноет, так перестанет. Ушибы, они вечность саднят, к боли

попросту привыкаешь, и в какой-то момент понимаешь, что все, не болит. Опыт имеется.

Счастливым образом оказался фотограф Панков, а о том, что остался жив чудом, не думалось. Только поздно вечером, когда он выпил три стопки водки — больше было нельзя, давление поднимется — и сидел у компьютера, горевал о пропавших кадрах, на Виктора Ивановича наконец свалилось осознание произошедшего. И он расплакался.

Но до этого была процедура составления протокола. Тянулась она ну очень долго — Панков устал, просил у гаишников, чтобы те отпустили его. Но служаки всё удерживали, что-то уточняли. Спасибо виновнику произошедшего — его довез до дома то ли друг, то ли юрист. А ещё порекомендовал выпить, чтобы стресс снять, но это Виктор Иванович знал и без него.

— Игнатий Кириллович Воронин? — инспектор ДПС внимательно читал документы водителя.

— Да, я.

— Ну и куда ты летел? На тот свет? Медицинское освидетельствование пройти надо, а пока протокол будем составлять.

— Я вызвал своего юриста, сейчас подъедет. На регистраторе должно сохраниться лицо той девчонки. Куда она успела уйти, не видели?

Инспектор покачал головой, у всех-то теперь

свои адвокаты, юристы, консультанты, шагу без них не делают, вздохнул и принялся за работу.

Эх! Таковую машину угробил!

BMW X6 выглядела плачевно.

Правая пассажирская сторона была смята от удара. Капот задрался, стекло пошло трещинами, колесо вывернуто.

Водителя уберегла от травм подушка безопасности и пристёгнутый ремень. Стоит, грудь потирает, прижало ремнями, вероятно, но сохраняет спокойствие. А его действительно спасла та девчонка, что из-под колёс выдернула сразу три жизни, собственную, фотографа и лихача. Да и от тюрьмы избавила.

Инспектор повеселел, оттого, что трупов нет — нет крови, нет горя. А машина, она что, железо, отремонтируют.

Воронин курил. Его потряхивало, руки тряслись, как будто от старческого тремора. Все дела на сегодня, считай, сделаны. В офис не поедет. Закончат здесь, попросит Кожевникова отвезти его домой. Заберется в ванну, будет отмокать и напиваться.

У него до сих пор перед глазами стояла картина, как девчонка отскакивает, толкает мужика и валится на газон.

А если бы она не увидела?

Игнатий передернулся. Надо её найти, иначе

покоя не будет.

Что на него нашло?

Да понятно и так. Проигрывать не любит, не привык.

От неприятностей в жизни никто не застрахован, а тут на работе одно за другим. Тендер проиграли, потом пожар, рабочий покалечился.

И с Кариной расстались некрасиво, он ей ничего не обещал, да и не силой её к себе тащил, а она после третьего свидания права начала качать. Отступного ей не надо... зачем ей сережки с бриллиантами, если она за него замуж собралась выходить. У него забыла спросить, желает ли он жениться, а тем более на ней. Девица она, конечно, интересная, но видно, что тут подправила, там подтянула. Молодец, за собой следит. Только жену себе Игнатий представлял натуральную. Без всяких там губок надутых и прочего.

Пора прекращать таскать к себе баб, они приглашения в квартиру не всегда правильно понимают. Желающих замуж выйти десятки, а мужиков, решивших жениться, несколько меньше.

Воронин затушил сигарету, когда увидел подъезжавшего юриста. Борис Григорьевич Кожевников верой и правдой служил у отца Игнатия и достался ему, так сказать, в наследство. Умный саркастичный прощелыга. Ездил исключительно на «Волге» и менять автомобиль не

собирался, хотя ремонт обходился в копейчку.

Юрист поздоровался за руку с инспектором, обошел разбитую машину, посмотрел, прикинул, после подошел к Игнатию.

— Юноша, вы случаем свой драндулет с трактором не попутали? Чем вам так остановка помешала? Да, а батюшке своему сами доложите?

— Лучше вы, Борис Григорьевич.

— Бойтесь, молодой человек?

— Есть немного. Главное, все живы.

— Это да. Приступим?

Игнатий Воронин относился к тем предпринимателям, о которых судачат, что будто он обладает всеми благами земными. Хорошо бы так.

Пароходов у него не было, только яхта. Газет тоже, лишь рекламный отдел. Заводов не купил, построил небольшую производственную базу. Вот и весь его джентльменский буржуйский набор.

Яхту Игнат купил, добросовестно научился вождению, как полагается, получил удостоверение. Несколько раз прокатился по Неве до залива, игрушка понравилась, но на этом все и закончилось, времени не хватало. Стоит ныне на приколе, мастера её обслуживают, а самому некогда не то, что кататься, доехать, взглянуть, как она там.

А сейчас и без машины остался. Хоть бы прав не лишили, на старой поедит. Вот же не было

печали!

Крупная строительная компания, которой он управлял, и от руководства этого безумно устал, принадлежала его семейству. Основали её отец и дядя, а Игнатий, тогда молодой и без опыта, увлёкся строительством, хотя по образованию был экономистом. Ему выделили долю и доверили стоять во главе, расширять производство. Времена были тучные, подъем, все трудились, преуспевали. Из небольшой компании его фирма сделалась солидным предприятием. Заказов набирали вперед на три года. Он собрал вокруг себя команду из молодых умных парней, желающих строить карьеру и зарабатывать. Оплачивал их труд, не скупясь.

Воронины-старшие, отец и дядюшка, окончательно отошли от дел, оставив себе малые доли, «пенсионный фонд», отписали остальное Игнатию, а сами тихо сидели в своих небольших фирмах. Братья-близнецы, внешне не слишком похожие друг на друга, Кирилл и Мефодий Олеговичи, были теми ещё жуками и пронырами, хотя во времена становления капитализма другими и нельзя было быть.

Мефодий Олегович занимался перевозками грузов и имел небольшой гараж строительной специализированной техники, которую сдавал в аренду. Кирилл Олегович организовал офис, его специалисты составляли сметы и делали расчёты

под строительство зданий и сооружений. Ни тот, ни другой из братьев не вмешивались в работу Игнатия. Хорошо устроились, шутили они, молодёжь должна делать дела, а старики — отдыхать.

Игнатия такой расклад более чем устраивал, и только в этом году он почувствовал усталость. Все стало неинтересно, на службу он шел с неохотой, подступала депрессия. Кризис и его фирму стороной не обошёл, стало меньше заказов, а ему надо было кормить большое количество работников. И это обязательство перед людьми, которые на него надеялись, давило, не давало расслабиться.

Жалела Игнатия только мама, она каждый вечер звонила, спрашивала, не надо ли ему чего, если он оставался в городе. Когда приезжал к ним в Пороги, она усаживала сына в кресло, приносила чай и грильяж, с детства любимые конфеты, укрывала пуховым платком. Иногда гладила по голове. Игнатию становилось легче, светлее в мыслях и на следующий день он с новыми силами выезжал на службу.

Мама говорила, что ему пора жениться, иначе жизнь пройдет. Она взяла себе в привычку на семейные празднества привозить невест сыну. Сын свирепел, с кандидатками обходился едва ли не грубо, равнодушие, по крайней мере,

демонстрировал. Сердился на маму, объявлял ей бойкот на один-два дня. Потом забывал и прощал до следующего раза.

Отец подсмеивался над их возней, выступал третейским судьей, жене говорил, чтобы отвязалась от сына, а Игнатию, чтобы не судил мать.

А Воронин-младший понимал, что уже не справляется и со штатом помощников.

И он, просыпаясь, каждое утро, мечтал уйти, уволиться, передать управление какому-нибудь толковому человеку, а сам бы ездил по свету и отдыхал, отдыхал, отдыхал.

Человека такого не находилось. Смену надо воспитывать, отвечал отец на жалобы сына, учи своих сотрудников, кто-нибудь да найдётся.

Игнатий заметил толковую девушку в финансовом отделе, приблизил к себе, натаскал, доверил вести дела, у неё отлично стало получаться.

Впереди перед глазами Воронина уже маячил двухнедельный отпуск, а потом он сделал глупость, завёл с ней «неформальные» отношения, переспал, чем все сам и испортил.

Понятно, такое дело в одиночку не делается, а если делается, то это уже и называется-то по-другому, но он даже мысли не допускал в чем-то обвинить женщину. Возможно, что она надеялась на продолжение отношений, а там, кто знает, и

«честным пирком да за свадебку»?

Однако Игнатий её не любил, влечение было, но прошло, ни о каком продолжении не было и речи.

Александре пришлось рассчитаться. После прекращения интимной связи у них не заладилась работа. Словом, сам виноват. Она вскоре благополучно вышла замуж за чиновника из городского правительства. Кстати сказать, Воронин их и познакомил, так что все у неё сложилось удачно.

Сейчас, оглядываясь в поисках нового преданного и хорошего эксперта, он был готов предложить долю, лишь бы снять с себя основной груз ежедневных вопросов, но пока кандидатов не находилось.

Воронин себя в благотворителях не числил, у него-то имелись запасы на трудные времена, но его забота о работниках носила не только практический характер — удержать специалистов, но и моральный. Он гордился своей фирмой, своей работой и основателями, отцом и дядей. Всё же они заработали свой капитал трудом, а не поворотом нефтяного крана. И результаты его труда видны, в городе и в области стоят построенные ими здания.

В этот злополучный день, хотя нет, нынче его можно считать счастливым, как всегда, все началось с пятиминутки, затем пришлось бросать

текущие дела и ехать на производственную базу, там загорелась бытовка.

Приезжали пожарные, к счастью, никто не пострадал. Теперь жди, замучают проверками, предписали заменить оборудование.

Игнатий возвращался с базы, когда ему сообщили, что на их объекте с лесов упал рабочий, слава богу, он был жив, но попал в клинику. Воронин торопился и поэтому вёл себя на дороге не слишком разумно, лихачил. Да что там говорить, неся с намерением настучать прорабу по башке, что не уследил. Понятное дело, все виновные ответят, но только завтра.

Зато в настоящее время можно никуда не спешить. Спасибо той девчонке в жёлтой куртке, спасла его от худшего злодеяния, что может быть, от убийства. Найти надо героиню.

Игнатий направился к старику, что пострадал из-за него, тот сидел на поребрике, курил и потирал грудь.

Глава III. Полгода спустя

Подошва сапога просила каши, обувь срочно требовала ремонта. «Надеюсь, не отвалится по дороге, пока домой добираюсь», — с досадой думала Лена. «Надо было вместо мастера маникюра курсы сапожников закончить, сама стала бы обувь

чинить и бешеные бабки зарабатывать, — ёрничала она, — хотя нет, сапожник без сапог, так что придётся деньги выкладывать, а жалко».

Девушка ждала троллейбус, это был очень удобный маршрут, он подвозил почти к дому, а с её любовью к тяжело нагруженным сумкам это было так кстати.

В троллейбус она втиснулась удачно, местечко нашлось в углу, поклажу девушка сгрузила на пол.

Постоянной работы никто не предлагал, хотя периодически она обновляла рассылки. По телевизору говорили, что будет хуже, кризис только начался. Его лучше вовсе не смотреть, но ничего не поделать, пока Лена занималась уборкой, любезные хозяева считают нужным включить для работницы «ящик», чтобы не скучала, невольно наслушаешься, что в мире творится.

Девушка продолжила трудиться приходящей прислужкой. У них в фирме была ещё одна такая же «долгожительница» — Настя. Она, как и Лена осталась без места, не унывала, а пока зарабатывала, где могла.

Хозяева квартир, где приходилось работать, были разными, как и окружающий мир: капризные, равнодушные, приветливые.

Со временем появились постоянные клиенты, к ним следовало приезжать раз в неделю или в три

дня. Можно было бы гордиться, работу исполняла на отлично, вот только не о такой карьере Лена мечтала.

Капризничали, в основном, дамы старшего возраста, но Лена не обращала внимания: была вежлива, заученно отвечала стандартные фразы, делала уборку, получала расчёт и уходила.

Также она всегда держала в кармане фартука баллончик с газом для самозащиты после случая, где компания юнцов придумала вызвать девушку для уборки квартиры и поразвлечься.

Этих сопляков было трое, возраста примерно пятнадцати лет. Едва войдя в прихожую, девушка насторожилась. Встретил на пороге сынок хозяев, начал разговор в развязной манере, из дальней комнаты выглянули его любопытные приятели.

Лена достала мобильный телефон, позвонила Сергею, хозяину фирмы, громко сообщив, по какому сейчас адресу находится, чувствует угрозу и поэтому уходит. Сергей Бармин обучил их, как следует вести себя в похожей ситуации и показал пару приёмов защиты. Подобные адреса вносили в чёрный список, но, к счастью, уроды встречались редко.

Домой Лена старалась покупать товары по скидкам, на распродажах и в самых дешёвых магазинах. Она с иронией думала, что могла бы стать идеальной хозяйкой в любой семье, поскольку

умудрялась купить недорогие продукты и, немного поколдовав над ними, превращала в шедевры кулинарного искусства.

Спасибо, дома в общую кассу на питание не требовали. Она распоряжалась деньгами, что выдавал отец на оплату квартиры, различные нужды и на еду, а поскольку считала себя нахлебницей, экономила, как могла.

Народу в троллейбус набилось много, к Лене вплотную притиснулся парень в наушниках. Он слушал рок, а вместе с ним и все пассажиры. Она попыталась отодвинуться, но не получилось, парень хотел удобнее встать, потоптался, наступил девушке на ногу и как ныне принято, не извинился.

Грустно.

Наконец, объявили нужную остановку, она аккуратно протиснулась, и, стараясь не задеть никого сумками, вышла.

На улице похолодало, стало промозгло. Ветер налетал со всех сторон. МЧС любезно информировало об ухудшении погоды, эта услуга появилась не так давно. Лена получала сообщение, прочитывала и благодарила. Самой становилось смешно, понимала, роботу говорит «спасибо», просто становилось приятно, что о людях заботятся.

Пора было надевать тёплую одежду.

Лена быстро прошагала по тропинке, подметённой от опавших листьев, к дому. Пыхтя,

затащила сумки на четвёртый этаж, пока возилась, доставала ключи, из квартиры напротив вышел её лучший и единственный друг почти брат, Петя Сеницын.

Девушка открыла входную дверь, Петя поднял сумки, ворча, пронёс в кухню и поставил на пол:

— Все таскаешь? Горбатишься? Ленка, моё предложение в силе! Выходи за меня, будем жить-поживать, да добра наживать. Ну, кто знает тебя, как я?

Сеницын полез в пакеты и сумки, выгребая все, что принесла подруга, на стол.

Лена фыркнула. Она уселась на диван, с наслаждением вытянула ноги и прикурила.

— Петя, спасибо, конечно, но я тебя не люблю! То есть люблю, словом, ты мой лучший друг, но если будешь меня мурыжить, я прекращу с тобой дружить!

— Это я мурыжу? Ладно, согласен. Хочешь, я буду добрым Феём? Ты же у нас рабыня Золушка.

— Никакая я не Золушка, и не обзывай меня рабыней. А вот ты точно настоящий стопроцентный Фей, помогаешь мне во всём!

— Скорее, паж, — съязвил Сеницын, — О, а это что? — Друг выудил упаковку какой-то шелестящей зелени.

— Пойдёшь завтра со мной на вечеринку?

Танцы обещаю. Меня тётки в отделе заклевали, всё каких-то малолеток мне подсовывают.

Лена прищурилась.

— Получается, я старая? Это сушёная морская капуста, салат сделаю.

— К словам не цепляйся! Тебя умыть, придеть, так ты ещё о-го-го!

— Петя! Я что, грязнуля? — возмутилась подруга.

— Ты маникюр, когда последний раз делала? — Он не держится.

— А стрижку?

— С хвостами удобнее.

— Вот потому тебя и не берут на работу! Все, я побежал, вечером к тебе зайду, салатик мне оставь попробовать.

Петя чмокнул подругу в щёку, закрыл за собой дверь и попрыгал через ступеньки на улицу.

Глава IV. Синицын

Лена разобрала продукты, поставила кастрюлю с водой на огонь и принялась за приготовление еды. «Синицын прав — и маникюр не делаю, и волосы надо подровнять, но с другой стороны, кому на меня смотреть? Уборка наше всё!»

Они дружили с самого детства, и Петя ещё в

песочнице её оберегал. Всё же он был старше на целых два года и четыре месяца! Тогда, в песочнице, он ей сообщил, что она ему нравится, и он будет её защищать. И там же впервые сказал: «не тлясись, я с тобой», когда Лена увидела большую собаку.

Потом он стал невысоким парнем с хорошей фигурой, подвижным, энергичным. Носил модные круглые очки в роговой оправе с небольшой диоптрией, прикрывая лёгкую косоглазость, которой и заметно-то не было. Парень всегда был гладко выбрит, подстрижен под полубокс. Короче говоря, друг был большим модником. И Лена его любила и гордилась им.

Синицын был из тех счастливичков, что смотрели на мир просто и без затей.

Школа, институт, работа, жена, дети, внуки, пенсия, погост.

Подруга, натура романтическая, спрашивала, но как можно жить и не мечтать о высоком?

— О космосе, что ли?

— Да хоть и о нём! Или о возвышенном.

— А это что?

— Чувства возвышенные!

— Это как? Что-то я не пойму. О чувствах мечтать? Смешно. Они и так есть, что о них думать? Зачем?

Иногда Петя казался ей мудрецом.

Случалось, на неё накатывала грусть, она чувствовала себя одинокой или была расстроена — тогда звонила Пете, спрашивала, дома ли он, и приходила к нему в комнату. Лена забиралась с ногами в его большое уютное кресло. Петя укрывал подружку пледом, приносил чай, молока или сока, вкусняшек. Включал фильм, чаще всего мелодраму, Лена смотрела, плакала, если полагалось по сюжету или смеялась, словом, отдыхала.

У них никогда не возникало желания целоваться, не пробегала между ними искра влечения.

У Синицына появлялись девушки, затем внезапно куда-то исчезали. Она не спрашивала о девчонках, которых встречала у него, если считал нужным, сам рассказывал.

Как-то раз он сидел у неё на кухне, дома никого не было, Лена его подкармливала, болтали о чем-то несущественном, и вдруг Петя разразился целой речью, в голосе слышалась досада.

— Знаешь, Ленка, предки правильно поступали, когда своих детей рано женили по сговору. Вот что это такое? Не успел познакомиться, а Юлька спрашивает, у неё будем сексом заниматься или у меня. Я-то не возражаю, но как-то напрягает. Точно, надо со школьницей знакомиться, воспитывать, а когда восемнадцать исполнится, сразу под венец. Ты согласна? Налей

ещё, — протянул он кружку.

— Не знаю, ты уже взрослый, кто тебе позволит со школьницей встречаться? Это подсудное дело. Тебе колбасы отрезать? — Лена налила чай.

— Нет, не надо, наелся. Так я подожду, пока она не повзрослеет.

— Я не сильна в этих вопросах, но думаю, что это просто твои фантазии, — она уселась на диван, поджав по-турецки ноги.

— Понятное дело. Я мечтаю об идеальной жене, ты бы мне подошла, но ты же дикая.

— С чего это дикая? — аж подпрыгнула подружка, слова Пети звучали несправедливо. — Нормальная я.

— Ага, скоро в старую деву превратишься, до сих пор ни с кем не встречаешься.

— А я никому и не нравлюсь. И у меня все есть. Семья, ты, папа. О чём ещё мечтать?

— О собственной семье! — он помахал руками, отгоняя дым. — И хватит курить!

— Петя, не начинай! Мы все уже давно обговорили.

— Ладно, пойду. Опять у тебя натрескался, мама ворчать будет, что дома не ем.

— Пустяки, тётя Марина не со зла, — ответила Лена, закрывая за Петей.

Отчего-то этот разговор Лене запомнился.

Петя и отец по-прежнему считали своим долгом оберегать Лену от мира, непременно находили время воспитывать ее в силу своего разума. Они беспокоились, если вечером Лена уходила куда-нибудь, например, на курсы. Запретили ей устраиваться на работу, если там предполагалось вечернее возвращение домой. Лена никогда не возражала. Зачем? Она все равно поступала по-своему и не видела смысла сотрясать воздух.

Лена любила тишину. Себя она считала барышней домашней и отсталой от современности. На тусовки не бегала — семья, работа, книжки, телевизор и ветхий компьютер. И когда делала уборку или готовила, любила тихонько напевать. Репертуар её в основном состоял из романсов.

Порой добрый сосед Петя Синицын выводил близкую подругу на развлекательные мероприятия, где можно было от души потанцевать, в этом и состояла их светская жизнь.

Иногда они организовывали совместный поход в ресторан, заказывали суши, охоча она оказалась до иноземных кушаний. Дома иногда делала роллы для семейства, но они не получались такими вкусными, как в ресторане. Или это просто казалось?

К сожалению, нынче и это недоступно. В квартире прекрасно танцевать можно, места

достаточно, но редкость, чтобы дома никого не было, так что особо не попляшешь.

Прочитав в школе Льва Толстого, Синицын одно время просил обращаться к нему Пьер, но быстро передумал, потому что никакой он был не Безухов, не чувствовал он себя Пьером. Лена ласково называла его Петрушей, но теперь, когда они повзрослели, звала Петей. Пётр было слишком официально.

Петя хлопотал на работе, чтобы для подружки нашлось место; к сожалению, расширения штата не предвиделось, но он не унывал, засылал заказчикам резюме подруги, где-то, да должно было «выстрелить».

Он и в самом деле пару раз предлагал ей выйти за него замуж, но первый раз это звучало как утешение, а второй раз был столь неуверенным, что Лена не сочла нужным услышать. Женой Пети она себя не представляла, да и ничьей другой. Мечтать о замужестве или своей семье ей и в голову не приходило, семья у них была обыкновенная, что ещё надо?

Ей бы работу свою любимую вернуть. И будет счастье.

Лена фыркнула: какая она неприхотливая, право слово, можно гордиться своей скромностью.

Если нашелся бы человек, который подошел к ней и сказал: пиши список желаний, все исполню,

ей, наверно, не хватило бы тетрадки. Она бы исписала её мелким почерком. Писала бы и писала.

Лена начиталась этих книг о визуализации, о списке хотелок и о том, что надо проговаривать мантры. Позабавили советы «как стать богатой», «как быть счастливой», «как выйти замуж за миллионера», посмеялась. Глупость несусветная. У них на прежней работе девчонка была, Анечка, все эти приемы, что советовали, пользовала, но её так же, как и Лену, уволили.

Она и с Петей обсуждала эту тему.

— А ты только за миллионера будешь выходить? — уточнил друг, как всегда наворачивая у неё в кухне борщ, хотя тетя Марина тоже готовила вкусно.

— Ну почему только за миллионера? Соглашусь и за миллиардера, — пожалала плечами Лена на полном серьёзе, — только волшебную палочку куплю.

— Ты считаешь, у нас в городе есть миллиардеры? — заинтересовался Петя.

— Не знаю, я взмахну палочкой, превращу тебя в миллиардера и тогда выйду за тебя, ты же предлагал!

— Это скучно. По любви надо замуж выходить. Вот полюбишь какого-нибудь садовника-озеленителя, и все твои мечты о богатстве забудутся. А что ты будешь делать, когда

у тебя появятся деньги?

— Сразу, как только появятся, так и придумаю. Котлету рыбную будешь?

— Вот зачем спрашиваешь? Давай две, а то просить стесняюсь, — заржал Синицын.

Глава V. Семья Лены

Лена Нега в детстве мечтала стать балериной, но девочку забраковали из-за роста.

Мама утешала: «Просто научись хорошо танцевать, Алёнушка», — и отдала дочь в танцевальную школу. Вместе с Петей она ходила на занятия, потом они какое-то время продолжали заниматься в студии. Да, балерины из неё вышло, вон в какую оглоблю вымахала. Спасибо мамочке, быстро успокоила дочку, иначе Лена долго бы горевала.

Позже девочка мечтала, что непременно станет проводником поезда.

Они с мамой каждый год ездили к бабушке в Кисловодск, ехали два дня туда и столько же обратно. В поезде подавали вкусный чай в стеклянных стаканах с подстаканниками, чай был слишком горяч, из титана, говорила мама. «Осторожно, кипяток», — предупреждала проводник тётя Лиза. Лена ждала, когда можно будет пить чай, прихлёбывать глоточками, запивая

вкусный бутерброд с твёрдой колбасой или варёным вкрутую яйцом.

В вагоне немного пахло паровозным дымом и очень сладко спалось под стук колёс.

Став взрослой, Лена иной раз, оказываясь возле Московского вокзала, и при условии, что находилось время, обязательно заходила в зал прибытия. В кафе заказывала «капучино с собой», шла к сувенирной лавке и смотрела на подстаканники. Стоили они жутко дорого, и она думала, что как только разбогатеет, непременно купит себе такой. Будет пить чай из стакана в подстаканнике и мысленно разговаривать с мамой.

Вот интересно, если бы самолетами летали к бабушке, мечтала бы она стать стюардессой? Теперь уже не узнаешь.

Свои воспоминания о маме девушка скрупулезно копила и хранила как самое главное богатство. И фотографию, что висела на стене у кровати.

Как всякая девочка, Лена очень любила сказки. Она рассказывала маме о принцессе, воображая себя в этой роли, у неё непременно был паж Петя, она лучше всех наряжалась на бал и, конечно же, ею были очарованы принцы разных стран, потому что она очень хорошо танцевала.

Куклам Лена мастерила великолепные наряды, которые шила вместе с мамой и украшала

их драгоценностями из красивых пуговичек. За украшениями и материей они торжественно ходили с мамой в магазин.

В пятом классе девочка стала сиротой. Мама не вернулась с работы, её сбил пьяный водитель. Иван Родионович Нега остался с дочкой вдвоём. Растерянный, он поначалу часто заходил к соседям, советовался с Мариной, Петиной матерью, как ему теперь жить, как быть с Леночкой, ведь он ничего не понимал в воспитании девочек.

Лена не любила вспоминать то время. В квартире вдруг стало холодно, не помогли ни шерстяные носки, ни свитера, ни шарфы, в которые куталась девочка. Дом стал холодный и темный, даже когда солнце светило в окна.

Лена спала урывками, все ждала, что придет мама, особенно в самые первые дни после похорон. Постепенно горе отступало.

Как-то ночью она проснулась оттого, что папа громко звал Татьяну. Девочка вскочила, бросилась в кухню, дрожа от ожидания чуда. Но там за столом сидел только её пьяный отец, смотрел на фотографию жены и рыдал. Она тихо вернулась в кровать и долго думала.

Лена шепотом поговорила с мамой. Ответа не было, но она знала, что мама её слышит. Тетя Марина по секрету рассказала Лене, что душа мамы всегда рядом, всегда с ней и всё-всё знает о дочке.

И когда утром Лена проснется, ей обязательно придет ответ.

Девочка попросила маму подсказать, как ей помочь папе, и спокойно уснула.

Вечером, возвращаясь с работы, Иван Родионович купил пельменей, чтобы накормить дочку, но его ждал ужин, дочь нажарила картошку.

С тех пор Лена поступала так, как могла бы поступить её мама. Она старалась угодить отцу, научилась готовить, убирать квартиру, делать покупки. Научилась стирать, гладить и штопать, готова была учиться всему, лишь бы папа был доволен. Она единственная была ему опорой. И очень боялась остаться одна.

Через три года после смерти жены отец привёл в дом Веру Степановну Косову.

Невысокая грациозная Вера Степановна покорила девочку, и та приняла её как родную.

Лене нужно было обсудить множество вопросов, о которых не поговоришь с отцом, посоветоваться с женщиной старше себя. Если бы была жива мама, ей бы не пришлось до всего доходить самой. Она скучала по ласке и нежности, тому, что ушло со смертью мамы, а того, что давал отец, было недостаточно.

Вера Степановна одевалась странно: платья напоминали балахоны, руки она украшала браслетами, на шее висело по несколько ниток бус,

на каждом пальце были кольца, и она носила нелепые шляпки, украшенные цветами. У неё были светло-русые волосы, завитые кудряшками, и Лена много лет считала, что волосы у мачехи выются сами, пока случайно не раскрылся секрет. Вера Степановна делала перманент.

Мачеха никогда не повышала голос. Вместе с ней появились Оленька, на два года младше Лены, и Митенька, на два года старше. Дети были воспитанные, говорили вежливо и тихо.

Лена радовалась, что у неё появился брат-защитник и сестрёнка, с которой можно весело проводить время. Теперь-то она не будет одинока.

Семья увеличилась, и расходы возросли. Нагрузка на содержание семьи полностью легла на Ивана Родионовича, да это и понятно.

Лена успешно окончила школу, поступила в университет, и, чтобы как-то облегчить жизнь папе, подрабатывала диспетчером в такси. Платили не слишком много, но и те деньги, что она зарабатывала, оказались неплохим подспорьем.

Вера Степановна, натурой оказалась творческой, служила актрисой в театре. Все, что она зарабатывала, приходилось тратить на одежду, она не могла выделять деньги в общий бюджет.

Митя нынче оканчивал последний курс военной академии, содержания ему не хватало, поэтому помощь шла из зарплаты отчима. Как

всякий военный, он планировал стать генералом.

Он говорил, что надо держать фасон, соответствовать, так сказать. Митя завёл множество связей, которые должны были способствовать его продвижению по службе.

Оленька училась в театральном училище. У неё стипендии не было, её полностью обеспечивал отчим.

Двухкомнатная квартира, в которой раньше жила семья Косовых, сдавалась в аренду, благодаря этому Вере Степановне и её детям едва удавалось дотягивать до следующего месяца.

Когда учеба подошла к концу, Лену приняли в строительную компанию, стало легче справляться, и семья зажила, вполне справляясь с трудностями, но все когда-нибудь заканчивается. В феврале этого года её уволили. Пришлось вновь затягивать пояса, доходы уменьшились, а расходов почему-то прибавилось.

Отец один не справлялся, Лена, экономила на всём, только таким образом могла ему помочь с бюджетом. Она чувствовала себя нахлебницей оттого, что нечего было вложить в семейный кошелёк, и очень этого стеснялась.

С приходом в их дом Косовых жизнь изменилась ненамного, теперь Лена готовила на большую семью, но не тяготилась этим: было интересно что-нибудь изобретать. Уборку делала

сама, было проще и быстрее. Они не умели и прибирались с такой неохотой, что становилось их жалко.

Дружбы между детьми, к сожалению, не сложилось.

С первого дня дети Веры Степановны секретничали и общались только между собой. Когда, робко постучав, к ним заходила Лена, спрашивали что надо и больше не обращали внимания.

Она искренне пыталась с ними подружиться, познакомила их с Петей, приглашала к себе в комнату, но была им неинтересна.

Митя увлекался танками, оказывается, их отец служил в танковых войсках и умер в чине полковника. Поскольку Лена ничего о танках и военных не знала, говорить с ней было не о чем.

Также она ничего не знала о театре, репризах, репетициях, прогонах, а Оленька с детства крутилась в гримерной у мамы, поэтому и Оленьке было с Леной скучно.

Вера Степановна не обижала девочку, она лишь иногда делала замечания. Еления, почему-то именно так она называла падчерицу, неправильно сервирует стол или вульгарно громко смеётся при просмотре фильма.

Не стоит дружить с Синицыным, девочка, поскольку его родители никакого урока, кроме как

копаться в земле, преподавать не сможет.

Не стоит так одеваться, девочка, тебе это не идёт.

Не стоит так укладывать волосы, девочка, тебе это не к лицу.

Хвалила она Елению только за осанку, привитую девочке за время обучения танцам.

Лена слушала Веру Степановну, училась вести себя как подобает. И надеялась, что когда-нибудь эта женщина признает её и полюбит.

На свою теперешнюю жизнь Лена смотрела просто. Звезд она с неба не хватает, все, что происходит в её жизни, вполне устраивает. Помимо работы. Но это временно.

Домашние все здоровы, довольны, никаких скандалов.

Митя получит распределение, станет самостоятельным, расходы уменьшатся.

Оленька доучится или замуж выйдет, что раньше получится, неизвестно, у неё кавалеров много. Вот тогда и подумает Лена о себе.

Синицын её периодически поругивал, что о своей семье она не задумывается. Зачем? Снова о ком-то заботиться? У Лены и теперь забот полно. Она сначала отдохнет как следует от быта, поживет для себя, потом, может быть, и о семье будет думать. Или не будет.

Все кругом твердят, что надо замуж, годы

идут, и прочее. Наверное, надо. Но как же без любви? Вон сколько фильмов создано и книг написано, ничего у людей без любви не получается. А любить-то некого.

В университете предлагали ей «встречаться» охотники за «свеженькими» девицами, отшила, не понравились они ей. Преподаватель один произвел впечатление — так это классика жанра, все студентки влюбляются. Да и времени на любовь у неё нет, только успевай поворачиваться, большая семья — это непросто.

Если бы нашелся мужчина, что пал бы от её неземной красоты, рассматривая себя в зеркале, думала Лена, она бы в него тоже влюбилась в качестве ответного жеста. А так никому нет до неё дела. Любят её папа и Петя, этого и достаточно. Ну и бог с ней, с любовью, не дано, так нечего и думать о ней. Расчесав волосы и собрав их резинкой в хвост на затылке, Лена занялась уборкой.

Их дом стоял в тихом дворе на улице Севастьянова.

Квартира была огромная, почти сто метров, сталинка. Наследство от бабушки.

Лена успевала протереть пол до прихода своих, она любила всё делать, когда в квартире никого не было.

Девушка подпёрла голову руками и безучастно глядела в окно. Мечтала. Силуэты качающихся тонких веток отражались на паркетном полу, тень играла со светом.

На довольно широком подоконнике Лена поставила пару цветочных горшков, на этом увлечённость комнатными растениями и закончилась.

Старенький компьютер дышал на ладан, кряхтел, скрипел, загружался. Столь же дряхлый монитор занимал половину добротного письменного стола. Лена подумывала приобрести специальный компьютерный, но откладывала, дубовый стол жалела. Пыталась скопить и на технику, но не получалось, абсолютно всё уходило в семью.

И косметический ремонт желательно сделать. Обои в некоторых местах выцвели, а в магазинах такую красоту продавали, залюбуешься.

Раздался стук в её дверь, это могла быть только Вера Степановна.

— Еления, — обратилась Вера Степановна, — ты сегодня делала уборку, на столе лежали мои золотые серьги, подарок отца Ольги. Где они?

Лена растерянно посмотрела на мачеху. «Она подозревает меня в краже»?

— Там ничего не было, иначе я бы заметила.

— Не думаешь же ты, что я сказала

неправду? — подняла бровь женщина.

— Вера Степановна, скорее всего вы их куда-то переложили.

— Не надо мне говорить, что я делаю. Поверь, я это так не оставлю, твой отец будет извещен, — возмущенно предупредила мачеха.

— Но их и в самом деле не было. Давайте не будем папу волновать, у него давление поднимется. Хотите, вместе поищем, — предложила Лена.

— Не думаю, что позволю тебе рыться в моих вещах. Если не найду, доложу твоему отцу, — Косова закрыла за собой дверь.

Веру Степановну Лена нервировала.

Косова тревожилась о сыне, она стала подмечать, как заворожено тарасил глаза он на грудь девушки, на движения её бёдер, когда считал, что никто не видит его интереса. Началось это недавно и напоминало медленно закипающий котел.

Вера Степановна сразу заволновалась, когда в первый раз засекала подобные взгляды.

Сына она понимала. Падчерица, несмотря на обычно неухоженный вид, излучала здоровье, двигалась грациозно, и, надо признать, была женственна до невероятности. Косова страшилась, что может стрястись непоправимое и не соображала, что можно предпринять.

Не могла она выговорить сыну, чтобы не помышлял о Лене, не было принято в их семье подобной открытости.

И Лену не могла предупредить, они ничуть не сроднились за эти годы.

В этом имелась и её вина, что скрывать, она помнила, как Лена первое время льнула к ней, но не было у Веры Степановны душевных сил, чтобы как-то приголубить сироту. Она и со своими-то детьми в жизни не была нежной, что уж говорить о чужой девочке.

А теперь, как классическая мачеха, стала придирается к падчерице по пустякам или, как сейчас, зная достоверно, что серьги у дочери, нашла причину привязаться к ней.

Девушка действовала на нервы своей холодностью, безропотностью и, что уж там таить, неброской красотой. Косова отдавала себе отчёт, что у неё под боком, совершенно как в сказке Пушкина, девочка:

*«Тихомолком расцветая
Между тем росла, росла
Поднялась — и расцвела.
Белица, черноброва
Нраву краткого такого...»*

Насчёт «белолица и черноброва»

преувеличение, скорее рыжеватая, а то, что характер кроткий, это есть.

Нет, к девушке она ни в коем случае не испытывала зависть, а вот, если жених бы ей отыскался, как у классика, было бы здорово. Что её Синицын замуж не берет? Может они с Петей уже живут давно, только виду не подают? Вряд ли. Иван Родионович сообщил бы непременно. Ушла бы она к Пете, и Митя не так паялился бы на сводную сестру. Быстрее бы и его распределили, пока он руки не распустил, не то скандал будет.

Девушка расстроилась. Почему-то последние два года Вера Степановна стала по пустякам делать замечания и угрожала сообщать отцу о любой, с её точки зрения, провинности падчерицы.

А что касалось «рыться в вещах», о них Лена знала гораздо больше, чем Вера Степановна, это она стирала и гладила. И совершенно точно не было никаких сережек на столике, скорее всего их, взяла Оленька. Она как сорока, тащила к себе все блестящее.

Настроение из мечтательного плавно перетекло в унылое. Вот почему так всегда, все тихо, спокойно и вдруг раз, что-то происходит?

Лена вспомнила, что завтра не в чем идти на работу, если она не отремонтирует обувь, переделась в джинсы и свитер — спасибо тому,

кто придумал этот стиль — и вышла из комнаты.

Она стояла в прихожей, собиралась отнести сапог в починку, когда мимо протопал вошедший домой Митя, хмуро буркнул «привет» и снова не снял уличную обувь.

Приучить его раздеваться в прихожей оказалось невозможным. Лена несколько раз просила его разуваться, грозила, что не будет убирать за ним, но тот лишь пожимал плечами и делал по-своему.

С возрастом Митя становился высокомерным, чем это объяснялось, понятно. Он переходил на более высокую ступень, в класс элиты. Его приятели, сыны доблестных начальников, приняли Косова в свой круг. Митя раздражался, не мог он позволить себе больших расходов, и не имел машины, отчего часто бывал мрачен.

Косов Дмитрий был невысокого роста, обладал спортивной фигурой, что делало его визуально выше. Лицом парень походил на мать, коротко стриг светло-русые волосы, его серые, слегка выпуклые глаза смотрели на мир равнодушно.

Время от времени у него появлялись девушки, которые быстро куда-то исчезали. Объяснялось все просто, он не мог обеспечить им в будущем жизнь в столице. Дело офицера — служить, где прикажет Родина, а она могла отправить его куда угодно. В

данный момент Косов искал возможность остаться в городе. Идеально было бы получить назначение в штаб Западного военного округа.

Сестрица, как Митя обращался к Лене, вызывала у него интерес и раздражение одновременно. Он признавал, что у неё неплохая фигура и достаточно длинные ноги.

Митя равнодушно оценивал свои шансы на то, чтобы затащить сестрицу в постель, признавал, вероятнее всего, не получится. Быть может, доверяй она ему, что-то бы и вышло, но с детства он презирал эту замарашку, а сейчас уже поздно было что-то налаживать. Они, как и в первый день знакомства, были абсолютно чужими.

Возможно, он бы её и не заметил, но его приятель Сашка, которого он однажды пригласил в гости, увидел Лену и спросил, спит ли тот со своей названной сестричкой. Митя возмущенно сказал, что нет. Ну и дурак, в доме живет девчонка, которая тебе никто, пора давно воспользоваться, ответил знакомый. А если не хочет сам, может познакомить её с ним, Сашкой.

Лена вечно ходила по дому в спортивном костюме, с хвостом на затылке. Создавалось впечатление, что костюм вырастал вместе с ней. На работу она надевала джинсы и разные свитера или футболки в зависимости от сезона, не подкрашивала глаза. И всё же была привлекательна.

«Впрочем, как все мы в молодости», — цинично решил Митя.

Митя знал, Лена расстроится, оттого что он прошел в обуви, но ему было все равно. Она существовала рядом, делала необходимую работу и не мешала, это было единственное, что пока от неё требовалось.

Вернулась Лена домой спустя час, отдала за ремонт сапога тысячу рублей, жалко конечно, но на новую пару обуви все равно ещё не накопила.

Она отправилась в кухню, пока заваривала свежий крепкий чай, покурила, усмехаясь уловкам семейства: все терпеливо ждали, самим обычно возиться с чайной церемонией было неохота.

Позже из комнаты она слышала, как по очереди желающие заморить червячка выходили из своих отдельных апартаментов, шебуршились, наливали ароматный напиток, кто-то и бутерброды утаскивал. А чай заново нужно было заваривать. Захватив пару конфет, она обожала карамель, Лена возвратилась к себе.

Можно отдохнуть и почитать. В квартире порядок, обед на плите.

Теперь, когда все стали взрослыми, в семье питались каждый, как вздумается.

Лена выходила лишь покормить отца, как только тот возвращался с работы. Иван Родионович садился за стол, включал телевизор и ждал, когда

дочь поставит перед ним еду. Отец уставал, работы докерам прибавилось, но его это радовало, значит, зарплатой будут обеспечены. Дочку он утешал, что рано или поздно и у неё работа появится, а пока придется потерпеть, своего ребенка он в любом случае прокормит.

Лена присаживалась рядом, рассказывала, где удалось купить продукты дешевле, сетовала, что не приглашают никуда по специальности или просто болтала о чем-нибудь несущественном. Она очень ценила эти полчаса, что отец уделял ей. Он работал посменно и, если графики их шли вразнобой, обедал в одиночестве.

Вера Степановна почти всегда днем отсутствовала то на репетициях, то на спектаклях, времени для семьи у неё не оставалось, поэтому она не возражала, чтобы мужа кормила дочь.

У Ивана Родионовича отношения с детьми Веры Степановны были равными, холодными, что устраивало обе стороны. Скандалов никогда не возникало. В доме был порядок. Что ещё надо? После ужина он сразу засыпал, не успевая прочесть в книге и пары страниц. Иногда Лена думала, а разговаривают ли о чем-нибудь отец и мачеха, помимо насущных житейских вопросов?

Отдохнуть у Лены не получилось.

Без стука вошла Ольга, кинула на кровать свое пальто.

Девушка была бесцеремонна, но ей прощалось из-за возраста, как самой младшей в семье. И как талантливой актрисе, будущей звезде экрана. Она почти не капризничала, только иногда проходили показательные выступления, Оленька устраивала истерику с рыданиями. На памяти Лены это было два или три раза. Вера Степановна капризы дочери прекращала быстро и безжалостно, лишала пособия на день или неделю. — Лена, зашей мне подкладку. Снимаю в театре, а там по шву распорото! Девчонки сказали, что это из-за неправильной стирки. Ты у нас главная прачка, значит, тебе и исправлять!

В ушах у Ольги сияли золотые серьги.

Лена облегченно вздохнула, нашлись!

— Оленька, ты не предупредила свою маму, что берешь сережки, Вера Степановна их потеряла.

— А твое, какое дело? Не твои, и не лезь! — фыркнула девушка.

— Но она... — неудачно попыталась возразить Лена.

— Отстань, мне скоро пальто понадобится, не теряй время. Маме сама скажу.

Лена вздохнула и взялась за иглу. Она аккуратно зашила подкладку, полюбовалась своей работой. Оказать такую мелочную услугу было нетрудно, не доводить же до скандала, хотя это была не её вина.

Оленька была не приспособлена к жизни, она, как и Вера Степановна, жила театром, а творческие люди... Им сложно, они намного тоньше чувствуют мир, больше, чем мы, страдают.

Глава VI. Подготовка к балу

В дверь позвонили, наверное, Петя, спохватилась Лена, а она и забыла!

— Готова?

— Куда?

— Я уже говорил, что сегодня тобой займусь.

Быстро собралась!

— Петя, у меня нет денег на парикмахера.

— Жду! — он не стал даже входить, стоял за порогом.

Лена постучала в дверь Вере Степановне и просунула голову.

— Я ухожу к Пете. Ужин на плите. Серьги в ушах у Ольги. И прошу вас, скажите Мите, чтоб не ходил дома в уличной обуви.

— Когда появятся свои дети, тогда станешь ими помыкать! — надменно ответила мачеха.

Лена неопределенно пожала плечами, когда увидела, что Петя помрачнел, он прекрасно слышал тираду Веры Степановны.

— Хочешь, я с Митькой поговорю?

— Нет! Мы сами во всем разберемся, не надо,

пожалуйста!

— Ты че так запаниковала? — удивился друг.

— Я не хочу, чтобы ты вмешивался в наши бытовые мелочи, я не испугалась, — уверила Лена.

Петя недоверчиво посмотрел на неё и подтолкнул в свою комнату. Он все приготовил для маникюра, взяв у мамы необходимые инструменты и приспособления.

— Усаживайся, занимайся маникюром. Хотя одна польза от твоих курсов, ногти себе в порядок научилась приводить, только чаще бы это делала! У нас сегодня вечер волшебства, превращение гадкого утенка в принцессу. Ленка, дай слово, что завтра ничего не будешь мыть, стирать и далее по тексту! Имей в виду, я заказал такси, ты будешь моей дамой, — он что-то искал в интернете, картинки мелькали, Лена не успевала рассмотреть, вот бы ей такой моноблок иметь!

— Петя, мне надеть нечего! И ты все, как обычно, напутал, гадкий утёнок — это не про принцессу.

— Ты о чём? Да какая разница! Тащи свои шмотки, что-нибудь изобретем из того, что есть. Я буду тебя критиковать, буду изобретать, а ты воплощать, — он унес в ванную маникюрный набор, вернулся. — Ты ещё здесь?

— Вот для чего тебе это надо? — ещё подискутировала барышня, хотя знала: бесполезно,

что Петя решит, то и будет.

— Для престижа. А то меня уже подозревают бог весть в чём! У тебя нет близкой подруги? Почему женщин не любишь? Питаю нежные чувства я к дамочкам, но не ко всем. Матушку обожаю, тебя вот. Иди, шагай, — подтолкнул он Лену к входной двери.

— Петя-я! И у меня нет специальной обуви. Туфли только с выпускного остались, а так нету.

— Тащи все, говорю!

Лена смоталась домой, выгребла из своего шкафа две юбки, пару блузок и три платья, захватила туфли.

В её комнате висился чудесный трехстворчатый платяной шкаф дедушкиных времён. Дверцы порой скрипели, хотя она регулярно смазывала петли маслом. В наследство осталась и бабушкина швейная машинка «Зингер» с ножным механическим приводом. Замечательная вещь, сделанная на века. В солнечные дни шкаф блестел, отражал лучи и сиял мягким янтарным светом.

Петя перебрал её гардероб, критически примеряя к Лене принесённые вещи.

— Так, это на помойку, это туда же, вот это, пожалуй, мы приспособим. Я кто тебе? Кавалер! А ухажеру не должно быть зазорно с подругой прибыть.

В итоге Лена не спала полночи, ушивала, переделывала.

Девушка никогда не была полной, а тут совсем как-то стройненькой стала. Белые туфли на высоком каблуке оказались в самый раз. Как хорошо, что она тогда приобрела классический вариант, без всяких страз.

Платье в горох, прямое, с рукавами три четверти и воротничком, Петя искромсал. Вырез оставил спереди под горлышко, зато сзади открыл спину, рукава убрал совсем.

— Вот! Джин Шримптон современного розлива! Женщины единодушно одобряют, а мужики будут тебя успешно у меня отбивать, а я буду отчаянно отбиваться от них. «Винтаж» в моде. Надо бы ещё и клатч да перчатки, но и без них сойдёт.

— Я даже не знаю, что такое клатч, — засмеялась Лена.

— Серость! Я тебе вместо того, что ты не знаешь, мундштук презентую. Если уж куришь, так делай это с шиком! И танцуешь со мной!

— Естественно! Я никого там не знаю.

Это был второй в её жизни бал. Первым оказался выпускной в школе. Прошёл он для неё невесело, Лена не поехала с классом кататься на корабле. Ей было нерадостно с тех пор, как внезапно умерла мама. Лена улыбалась, а тем более смеялась нечасто, за что её обзывали «несмеяной».

Она созвонилась с клиенткой, предупредила, что завтра не придёт и, если они не могут ожидать, пусть приглашают другую сотрудницу. Валентина Ивановна заверила, что дождётся Лёну, таким образом, у девушки образовался выходной день. Дома тоже все прибрано, еда есть, ничего дополнительно делать не нужно.

Лёна уснула почти что счастливая, платье нравилось, завтра от души натанцует, и Петя её будет гордиться, она не подведёт друга.

Вечеринка

— Игнат, ты обязан находиться на приёме! Мама уезжает, а я не хочу быть в одиночестве, — предупредил сына Кирилл Олегович за ужином.

Он проставлялся перед коллективом за свою добровольную отставку и обещал публично объявить о смене руководства.

Воронин окончательно уходил на покой, всё же ему исполнялось шестьдесят пять лет. Кто будет возглавлять фирму, знали всего три человека, он сам, его сын и предстоящий назначенец. Последнюю неделю фирму лихорадило, строились самые невероятные предположения о будущем директоре.

— Надеюсь, я буду в качестве гостя, а не представителя заказчика? — скривившись, спросил

сын.

— Естественно, отчего ты спрашиваешь? — уточнил отец, хотя отлично знал отношение Игната к подобным мероприятиям.

— «Мы всё пройдем, но флот не опозорим, мы всё пропьём, но флот не посраим», — пропел сын популярную песенку Визбора. — Хочу выпиться. И отца не посрамить. Давай договоримся, ты не станешь меня никому представлять. Я буду тёмной лошадкой. Тогда приду.

— А что, это занятно, — Воронин довольно потрепал сына по плечу, переглянувшись с женой. — Договорились.

Они какое-то время ещё обсуждали домашние дела, потом разошлись. Родители знали, что Игнатий не любил корпоративы. На праздниках коллектива приходилось «держаться марку». В обязанности руководителя входило говорить речь, выслушивать пьяненьких подчинённых, пить только шампанское.

Сын когда-то высказал мнение, что усматривает во всех этих неформальных общениях и выездах на природу надменное отношение руководства к нижестоящим.

Он искренне не понимал, для чего нужны такие сборища, кто их придумал?

Неприменно приходилось устраивать нечто подобное на глупейший праздник в марте, наделять

всю слабую половину человечества подарками, цветами, говорить любезности и наезжать с визитами к дамам у власти.

Новогоднее торжество имело чуть-чуть другой сценарий, но принцип бытовал тот же. Предполагалось, что руководство безумно радо спуститься с Олимпа и выйти к людям для неформального общения. Глупость полнейшая.

Игнатий усматривал в подобных тусовках чванство правящих, вот-де мы, демократы какие!

И подозревал, что становится мизантропом.

В свете последних событий этого года ему попросту хотелось накачаться.

Для увеселения арендовали ресторан на Измайловском проспекте. За отдельными столиками размещали по четыре человека. Наигрывала негромкая музыка. Народ был слегка возбуждён, все здоровались, знакомили сослуживцев со своими жёнами или мужьями.

Лена беспокоилась, как-то оценят её, как подругу Пети? Всё же она одета не в модное платье из бутика, не было у неё и украшений.

В своём наряде она выглядела как девушка шестидесятых годов, и опасалась, вдруг это будет не к месту. Глаза были подведены стрелками. Петина мама, Марина Анатольевна, уложила ей волосы, использовала почти баллончик лака, чтобы достичь безукоризненной причёски. И вот сейчас

она ступала под руку с другом, волнуясь, рассматривая наряды дам, коллег Пети.

В зале собралось мужчин и женщин, пожалуй, больше сорока человек. Петя за руку здоровался с некоторыми сослуживцами, раскланивался с дамами и ухитрился вполголоса произнести:

— Не трясись. Я с тобой.

Лена тут же перестала беспокоиться, расслабилась, оказывается, она вцепилась в Петю, рукав его пиджака помяла.

Данная поговорка с детских лет успокаивала её.

Дамы и барышни окидывали пару взором, мгновенно оценивали Петину пассивность и равнодушно отворачивались, мужчины заинтересованно осматривали их, те, что были без пары, настойчиво просили познакомиться с девушкой и давали слово позже увидеться.

Петя подвёл девушку к юбиляру, представил Лену как свою подругу. Они тепло поздравили Воронина и отступили. Формальности были соблюдены, можно начинать веселиться.

Лена в туфлях на каблуке была практически на голову выше Пети, впрочем, это не имело значения, они так свыклись друг с другом, что абсолютно не обращали на это внимания.

Она окидывала взглядом присутствующих, попросив Петю отвести её куда-нибудь в уголок,

чтобы не мешать коллегам беседовать. Он фыркнул, оставил подружку поблизости от входа, сам пошёл за бокалом с шампанским.

Лена, рассматривая гостей, обратила внимание на одинокого молодого мужчину.

Он праздно обводил глазами присутствующих, его взгляд не задержался более нескольких мгновений ни на одной особе противоположного пола. Заметно было, что парень скучает, видимо, мало с кем знаком и словно отбывает наказание. Их взгляды встретились, он переместил взор дальше и снова взглянул на Лену.

Девушка также безмятежно смотрела на него мгновение, потом отвела взгляд. Она не увидела, как слегка дёрнулась бровь у молодого человека, как парень стал внимательно рассматривать её, столько, сколько позволяли приличия.

Фигурка хороша, красота неброская, вдруг не разглядишь. Отчего-то напоминает лань, кажется, от громкого звука сорвётся и побежит, перебирая длинными стройными ногами. И глаза слегка раскосые.

Одета барышня в стильное платье без рукавов. Смело. Не каждая будет показывать руки, от плеч усыпанные веснушками. Волосы густые, медного оттенка. Интересно, натуральные или подкрашивает? Глаза тёмные, подведены стрелочками. Чем-то напомнила его маму, когда та

с отцом познакомилась. Чёрно-белая фотография сохранилась, причёска, несомненно, в стиле шестидесятых годов. Осанка хороша.

Игнат повеселел, как говорил незабвенный Гоша, «вечер перестаёт быть томным». Он продолжал наблюдать за новенькой, обнаружил, что к той подошёл её кавалер. Явно низковат для подруги, надо у отца узнать, что за клерк с такой необычной барышней.

Петя вручил Лене бокал с вином.

Грешным делом, шампанское она любила, хорошо, что приходилось нечасто пить, не то могла в пьянчужку превратиться. Друг держал под контролем её увлечение, мало ли что хмельная учудит.

Гости перемещались, выходили курить, к столам пока что не приглашали. Петя изредка отправлялся к сослуживцам, но на долгое время подругу не оставлял.

Звучала негромкая музыка, после гости стали заходить в зал к столикам. Лена прошла мимо скучающего мужчины, их глаза встретились, он слегка наклонил голову. Девушка улыбнулась, ей было не страшно, наверное, оттого что она опять вцепилась Пете в руку.

Их посадили за столик с Анной Сергеевной, непосредственным руководителем Пети, и её мужем Григорием. Познакомились, выпили

шампанского.

— Долго Петруша от нас утаивал, что у него подруга — красотка, — улыбнулась Анна Сергеевна, приветливо глядя на девушку.

— Ага, прятал, чтоб не увели, — кивнул Петя. — А вы не знаете, что там за парень сидит за вторым столиком от юбиляра?

— Заказчик какой-то. Кирилл Олегович его не представил. Молодой человек один пришёл.

Зазвучал вальс.

— Лена, идём танцевать?

— Да, я готова.

Она согласилась пойти на этот вечер, потому что знала, будут танцы. Несколько пар уже топтались на так называемом танцполе, месте, отведённом под танцевальную площадку.

Петя и Лена двигались в танце, ведомые мелодией вальса. Годы занятий не прошли даром, они продемонстрировали класс. Петя вёл партнёршу непринуждённо, Лена скользила по залу, легко поддавшись ритму звучащей музыки. Вслед за вальсом зазвучал фокстрот, далее зажигательный буги-вуги, затем томное танго.

Танцующей паре освободили место, гости стояли полукругом, наслаждаясь искусным исполнением, а Лена и Петя без ложной скромности гордились своим умением.

Им аплодировали, а юбиляр сказал, что они

приготовили превосходный подарок.

Лена чувствовала себя очень счастливой, танцы всегда поднимали настроение. Они с Петей вернулись за столик, снова пили шампанское, ели вкусные закуски, болтали и смеялись. Объяснили Анне Сергеевне, что танцы — это их пагубная страсть с детства и жаль, что сейчас нет просто танцевальных вечеров, какие были приняты когда-то.

К Лене подошёл сам юбиляр и пригласил её на вальс.

— Елена...

— Ивановна, — подсказала девушка, — можно просто Лена.

— Спасибо. Вы не у нас работаете? Раньше вас не замечал. — Кирилл Олегович был, несомненно, очарован девушкой.

— Нет, я пока нигде не работаю.

— Супруг содержит? — уточнил юбиляр.

— Что вы, — засмеялась Лена, — я не замужем. Петя — мой друг детства.

— Вот оно что! А какая у вас, извините за любопытство, специальность? — поинтересовался Воронин.

— Я сметчик, работала в производственно-техническом отделе, но фирма развалилась, временно без дела. Не берут никуда, кризис, сокращения, — пожалала плечами Лена, какая

разница, если она скажет правду, это не её вина, что нет работы.

— На что же существуете? Родители содержат? — уточнил Кирилл Олегович.

Лена замялась. Правду говорить, как и врать не хотелось.

— Я выполняю одноразовые работы, — немножко сердясь на любопытствующего старика, всё же вежливо ответила девушка.

— Спасибо, Елена Ивановна, с вами было легко танцевать, хотя я, конечно, не так умел, как ваш друг.

Кирилл Олегович поцеловал Лене руку и проводил к столику.

Девушка не стала садиться, наклонилась к другу:

— Петя, пройдемся? Мне нужно нос припудрить и покурить.

— Пойдём, — поднялся он взял Лену под руку.

— Носик, говоришь, припудрить? Ты хоть знаешь, как выглядит пудра? Откуда нахваталась? — ехидно прокомментировал парень, едва они отошли от стола.

— Петя! Не могла же я заявить при всех, что хочу в туалет! И книги умею читать! — возмутилась Лена.

— Да ладно? — он засмеялся, — кстати,

«шикарно» смотришься, в особенности, рядом со мной. Будь собой, и ни на кого не обращай внимания! Иди, кури и прочее. Обрато дорогу найдёшь?

Подруга кивнула.

Лена себе ужасно нравилась. Ей казалось, что даже походка изменилась! Она не шла, а точно скользила. И причёска нравилась. Словно с обложки журнала мод шестидесятых годов. И платье Петя придумал потрясающее. А с мундштуком выглядела совсем уж стильно.

Окно курительной комнаты было огромным, уже наступали сумерки, на улице тихо падал снег, придавая вечеру дополнительное очарование. Если бы был новогодний бал, она непременно загадала желание.

— Подарите мне танец, незнакомка? — сбоку подошёл тот самый одинокий парень, что скучающе смотрел на всех и на неё в том числе. Он глядел на девушку, словно не ждал ответа, а изучал её.

— Меня Лена зовут, — бесхитростно ответила красотка, — конечно, потанцуем.

— А я Игнат. Идём? — Молодой человек протянул руку. Лена замешкалась и он, осторожно, едва прикасаясь, взял её руку в свою.

— Я только Пете скажу, вы не против? — подняла она голову. В глазах молодого мужчины ничего нельзя было прочесть.

— Ах, да! Петя! Что ж, пойдём, спросим у Пети, — Игнат усмехнулся.

Парень оказался на голову выше Лены. Как только они вошли в зал, он бесцеремонным жестом хозяина положил её руку себе на сгиб локтя. Девушка решила, что никаких правил он не нарушает.

Игнат шёл, подстраиваясь под шаг Лены и не отпуская её руки. От него ненавязчиво пахло дорогим одеколоном, уж в этом-то девушка понимала толк благодаря Сеницыну. Лицо Игната было привлекательным, на щеках и подбородке проглядывала модная ныне лёгкая небритость. Он казался чем-то похожим на юбиляра, повадками, что ли, наклоном головы, улыбкой.

Пете ничего не оставалось, как согласиться отпустить свою даму танцевать. В конце концов, он сам её сюда привёл. И он Фей, об этом тоже не стоило забывать. Надо бы выяснить, что за хахаль.

Сеницын поднялся и подошёл к столику, за которым сидели девицы из соседнего отдела. Галантно пригласил Верочку, пухленькую весёлую девчонку, она обрадовалась, зарделась, а он почувствовал себя негодником. Верочка славилась тем, что все обо всех знала.

Лена танцевала с Игнатом медленный танец, партнёр двигался неплохо, вёл даму уверенно. До Пети ему, конечно, было далеко.